

*Воспоминания
о Великой
Отечественной
Войне*

ветеранов-фронтовиков
Лосева Михаила Митрофановича
и Финогенова Василия Яковлевича

Воронеж 2016

*Воспоминания
о Великой
Отечественной
Войне*

Составитель: *Грига Я.И.*

Оцифровка текста: *Белоножкина С.А.*

*«Никто не забыт и ничто не забыто»
-Горящая надпись на глыбе гранита.
Поблекшими листьями ветер играет
И снегом холодным венки засыпает.
Но, словно огонь, у подножья – гвоздика.
Никто не забыт и ничто не забыто.*

Все дальше и дальше уходят от нас героические годы Великой Отечественной Войны. Время идет, а люди все не могут забыть войну. 1418 дней и ночей шла битва не на жизнь, а на смерть, и каждый ее час это кровь, боль и горечь утрат, чудеса бесстрашия, мужества и доблести. Путь к победе был полит горячей кровью наших воинов. Многие из них не вернулись домой.

Величайшим источником нашей победы явилась дружба и братство народов Советского Союза, которые под руководством Коммунистической партии в едином строю героически сражались во имя защиты завоеваний Великого Октября, своей социалистической Отчизны.

И когда закончилась война, оставшиеся в живых, дали солдатскую клятву чтить память погибших, воздвигнуть им памятники и в летописях описать их героические подвиги.

Идут годы, подрастают новые поколения. Все меньше становится тех, кто с оружием в руках отстаивал наше будущее. И наш долг – помнить!

*Через года, через века
Помните!
О тех, кто уже
Не придёт никогда.*

Нет ничего удивительного в том, что даже спустя более семидесяти лет после окончания Великой Отечественной войны мы снова и снова обращаемся к тем героическим дням и стремимся запечатлеть их в книгах.

Эта книга - издание, в котором рядовые солдаты Победы говорят об их героическом боевом и трудовом пути, о жизни с её радостями и горестями. В этом и состоит её ценность для последующих поколений.

Книга состоит из двух частей, воспоминаний двух ветеранов-фронтовиков из Прогрессовского сельского поселения Панинского района Воронежской области. Это Лосев Михаил Митрофанович и Финогенов Василий Яковлевич. Здесь сохранен стиль авторов, который порой не соответствует правилам грамматики.

Альбом с воспоминаниями Финогенова Василия Яковлевича и тетрадь Лосева Михаила Митрофановича были переданы администраторам сайта 1-mihailovka.ru* директором 1-Михайловской школы Евлаховой Верой Павловной. В свое время она организовала пришкольный музей, куда и попали данные экспонаты.

Тетрадь с воспоминаниями Лосева Михаила Митрофановича написана его рукой, где-то в 80-х годах прошлого столетия, в виде дневника солдата военных лет. Примерно половина записей была сделана во время войны, а другую половину он записал немного позже, спустя несколько лет. Вообще Михаила Митрофановича считали местным краеведом. Его записи взяты за основу краеведения села 1-Михайловка.

Альбом с воспоминаниями Финогенова Василия Яковлевича написан по просьбе учителей и учеников 1-Михайловской школы, по-видимому, тоже в 80-х годах прошлого столетия.

Мы, авторы сайта 1-mihailovka.ru Грига Яна и Белоножкина Светлана, взяли на себя смелость опубликовать эти воспоминания в виде данной брошюры. Очень хочется сохранить то малое, что осталось в памяти, ну в данном

* Сайт села 1-Михайловка и Прогрессовского сельского поселения. На сайте можно найти историю сел, Книгу Памяти, фото и видео галерею событий и многое другое.

случае на бумаге, от Великой Отечественной Войны в наших селах. Ведь в нашем поселении практически не осталось ветеранов-фронтовиков, кто вернулся с той страшной Войны. Пройдет еще немного лет и уже совсем некому будет рассказать, как это было, как народ выжил и как воевали наши деды и прадеды.

Если же у этой книги найдется читатель, пусть он воспринимает ее не как литературное произведение или исторический труд, а как документ, как свидетельство очевидцев.

Так пусть же светом любви нашей, светом памяти нашей озарятся навсегда имена воинов, защитивших нашу страну.

Яна Грига

*Умирают солдаты дважды:
От штыка или пули вражьей.
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.*

ЧАСТЬ 1
ЛОСЕВ МИХАИЛ МИТРОФАНОВИЧ
ИЗ ДНЕВНИКА СОЛДАТА ВОЕННЫХ ЛЕТ

Лосев Михаил Митрофанович

04.09.1912 – 11.06.1990 гг.

Место рождения: Воронежская область,
Панинский район, с. 1-я Михайловка

Награды: Орден Отечественной войны
II степени 06.11.1985 г.

Родился Михаил Митрофанович в 1912 году, в селе 1-я Михайловка. В 1927 году окончил школу. В годы его учёбы в школе была создана пионерская организация. Михаил Митрофанович был одним из самых активных пионеров. В те годы пионером быть было опасно и трудно. Когда в 1928 году Лосев Михаил закончил школу, он стал первым пионервожатым. Знаний ему было не достаточно для

работы, и он поступает учиться. В свою школу вернулся в 1936 году уже учителем. Потом до 1947 года работал завучем в Панинской СОШ.

С 1947 года до ухода на пенсию работал в своей школе в селе 1-Михайловка в должности директора, а затем завуча. Имеет награды.

Михаил Митрофанович уже ушёл из жизни в 1990 году, похоронен на кладбище в селе 1-Михайловка. В школе бережно хранят его записи, составленные, по рассказам старожиллов села.

18 апреля 1942 года

Эшелон, в котором наша маршевая рота следует на Северо-Западный фронт, остановился где-то между Вышним Волочком и городом Бологое.

На станции ни вокзала, ни домов – всё в руинах. Чудом уцелела только водонапорная башня. Привокзальный посёлок сожжен. Торчат среди чёрного пепла закопченные печные трубы. Валяются обгорелые вагоны. Сказывают: вчера фашистская авиация подвергла станцию жестокой бомбёжке. Дальше поезд не пойдёт. До передовой будем следовать пешком строем. Отошли мы километра два. Расположились в негустом сосновом лесу, маскируясь от возможной бомбёжки. Солнце клонилось к закату. Провели остаток дня и здесь же заночевали.

21 апреля 1942 года

Кончается второй день похода. Находимся мы на 300 метровой Валдайской возвышенности.

Перед взором открывается великолепная панорама. Леса и леса кругом, насколько видит глаз. Простираясь до самого горизонта, аж растворяются в туманной дымке. А там – далеко-далеко синее озеро. Говорят – Ильмень. Это то самое, которое воспето в древних эпосах и, которое лежало на «великом пути из варяг в греки». Охватывает трепетное волнение.

Подходим к не очень широкой реке, через которую перешагивал взорванный железнодорожный мост. В среднем пролёте концами он опускался в воду.

Метрах в ста, к северу, была наведена из брёвен переправа, по которой шли солдаты, ехали повозки, полуторки, переправлялись пушки. Встречались два потока, один – на фронт, другой – с фронта. Брели раненые, которые имели возможность передвигаться самостоятельно. Тяжёлых раненых везли на повозках. Здесь везде образуется скопление переправляющихся. Немцам это известно. Они ежедневно бомбят переправу.

После нескольких атак немцам, имеющим превосходство в живой силе и технике, удалось потеснить наши части и нанести урон. Ранен комбат второго батальона, убит комроты Киселёв – славный был командир. Жалко.

Советские воины сражались отчаянно. Подбили несколько танкеток, вывели из строя множество вражеских солдат. В первых рядах дрались коммунисты во главе с комиссаром 1-го батальона Агафоновым.

Однако обстановка складывалась угрожающей. Батальоны под прикрытием огня вынуждены отойти метров на 300 и занять новую линию обороны, объединить в одну боевую единицу с одним КП. Оборонительная линия, состоявшая из траншей с ответвлениями и укрытиями для пулемётных расчётов, находилась в густой части леса, а подступы были обезлесены, хорошо просматривались и простреливались. Занимала она по фронту метров 250. В средней части изгибалась, образуя тупой угол, в вершине которого стоял надземный дот – бревенчатое сооружение с двойными стенами, между которыми засыпана земля.

Фашисты бросили свежие силы. Но получили достойный отпор. Откатывали всякий раз назад, устлая поле боя убитыми и ранеными.

Предпринимают обходный манёвр: зайти с флангов, взять обороняющиеся остатки советских батальонов в «клещи», окружить и уничтожить.

Коварный план врага не удался. Сильным пулемётным огнём с флангов его отбросили.

Не добившись успеха, фашисты отошли, чтобы перегруппироваться, подготовиться к новому прыжку.

Передышка оказалась кратковременной. Фашисты с остервенением ринулись снова в бой, крайне ожесточённый.

Истекая кровью, красноармейские подразделения по существу находились в огненном кольце. Связь со штабом полка парализована. Не имелось возможности получить помощь и подкрепление.

Казалось, вот-вот немцы сомнут оборону. Ведь вражеский натиск сдерживала теперь уж небольшая горстка оставшихся бойцов, закрепившихся на «пяточке». Но и противнику нанесён чувствительный урон. Уничтожено более 300 солдат и офицеров, подбито 8 лёгких танков, несколько пушек.

Кончались боеприпасы, в ход пускали трофейное оружие. В отражении атак основную роль играл дот. Он был одновременно и КП, и огневой точкой. Из его амбразур строчили автоматы, пулемёты, по танкеткам били из противотанковых ружей. Огонь из дота вели пять человек: комбат Латышев, комиссары батальонов Агафонов и Резников, который после ранения комбата взял на себя командование 2-ым батальоном, старший адъютант батальона Старков и рядовой (связной) Аникин. Это он, проявляя необыкновенную смелость, ухитрялся подбирать трофейное оружие. Все они – коммунисты, поклялись лечь костями, а врага не пропустить. Командовали боем, не выпускали оружия из рук: автоматы, ручные пулемёты. Самоотверженным примером вдохновляли бойцов на мужественный подвиг.

Немцы во что бы то ни стало стремились уничтожить дот. Стреляли в него из миномётов, били прямой наводкой из мелкокалиберных пушек, которые подкатывали вплотную. Всё вокруг выло, стонало, скрежетало, трещало. «Настоящий ад» - рассказывал Агафонов. Дот вздрагивал, пошатывался, из углов земля сыпалась, но активно оборонялся. Оказался крепким орешком.

Много часов сражалась группа отважных и наносила потери врагу. Стояли, что называется, насмерть и выстояли.

Похоже было и немцы порядочно выдохлись. «Ухрапелись», как сказал Тимофей. Прекратили атаки.

Наступил вечер. Собралась гроза, пошёл дождь. Пушки замолчали, а громовые раскаты бушевали в облаках.

Остатки батальонов под покровом наступившей темноты вышли из леса и заняли противотанковый ров.

Подкрепление в полк прибыло перед самым вечером, когда бой прекратился. Из 50 прибывших бойцов и 20 человек комендантского взвода создали ударную группу, которая заняла оборону и приготовилась в случае нового наступления немцев к отражению вражеских атак. В боевую готовность были приведены огневые средства: миномётный батальон, батарея сорокапятков, скрытые в земле, как огневые точки, танки 34.

В обороне пролежали мы ночь, но фашисты в наступление не переходили.

Утром вызвали меня к командиру полка подполковнику Мазонову.

- Пойдёте с младшим лейтенантом (он только что прибыл в распоряжение нашего полка из военного училища) в расположение батальонов. Местонахождение их неизвестно. Но ты знаешь, где искать, - сказал комполка.

Пошли мы открытой местностью, которая постоянно держалась под обстрелом немецких снайперов.

На опушке леса, где вчера кипел бой, ходили немцы, огораживая колючей проволокой захваченную территорию. Шли мы без маскировки. На виду у неприятеля. Не слышно ни одного выстрела.

- Не опасно идти так ... открыто? – спрашивает младший лейтенант.

- Опасно. Всё же немец, нужно полагать, наблюдает за нами. Но и ползти по-пластунски охоты нет. Да и времени мало. Видать, немцу не до нас.

- Кто знает, что у фашистов на уме, вдруг снайпер возьмёт на прицел. – не без основания сказал младший лейтенант.

- Знаете что, оставайтесь здесь, вот в этой воронке, я пойду один. Вдвоём всё же опаснее. Я быстро доберусь – не привыкать. Младший лейтенант согласился.

- А там что? – спросил он, указывая на видневшуюся вдали земляную насыпь.

- Противотанковый ров.

- Возможно они там?

- Может быть. Пойду.

Пренебрегая опасностью, пошёл я напрямик. Если немец хотел убить меня, он давно бы это сделал: я для него хорошая цель, думал я. Не стреляет, значит, порядочно выдохся во вчерашнем бою. Не хочет провоцировать нас.

Спрыгнув с бруствера в ров, первое, что я увидел – это ноги в обмотках, торчавшие из пробитых в стене рва нишей. Бойцы спали. Принимаюсь будить первого попавшего. Ташу за ноги, трясую за плечи – не просыпается. Сильнее трясую. Он вскакивает и тарачит на меня испуганные глаза, думая, что перед ним фриц.

- Свой! Не видишь, что ли? Какого батальона? – спрашиваю.

- Первого.

- Вот образец беспечности, даже боевого охранения не выставили.

- Какой уж там, угвоздились вчера, еле живые приползли.

- Однако мало вас приползло.

- Да, многие остались там.

- Где КП батальона?

- Наверное там, - он махнул рукой в восточную сторону рва.

- Где там?

- Ну где, в доте. (В конце рва находился дот).

В доте я нашёл весь состав вчерашней героической пятёрки. Они приводили себя в порядок. Брились, мылись, готовились завтракать.

- Товарищ капитан! Имею приказ выяснить обстановку.

- Какая к чёрту обстановка, расколушматили нас. Садись с нами завтракать. За едой и поговорим о деле.

Молодец Аникин, отступали, а продукты фрицу не оставил.

- Мы их и так хорошо покормили,- сказал Аникин.

- Да, накормили... сколько осталось бойцов в батальонах? – спросил он у Аникина.

- Двадцать восемь, товарищ капитан. Все во рву спят. Одни ноги торчат.

- Распорядись накормить. А у тебя, комиссар, сколько? – обратился комбат к комиссару 2 батальона.

- Двадцать три. Лежат в боевом охранении.

Видать я ошибся, боевое охранение выставлено.

- Да, негусто.

Входит боец.

- Товарищ капитан разрешите ...

- Ты где пропадал? Аникин, этот будет двадцать девятый.

- Я товарищ капитан ...

- Что товарищ капитан? Почему не доставил донесение в штаб полка? Тебе поручалось!

- Виноват, не нашёл ... темно ... дождь ..

- Где-нибудь проспал?

- Так точно, виноват ...

- Это по его вине в штабе не имеют сведений о нас, сказал комбат, обращаясь ко мне. – Хорошо сражался вчера, а тоб за это стоило бы расстрелять. Иди, – сказал он бойцу.

- Вот такова обстановка, - произнёс комиссар Агафонов.

Да, такова обстановка. Большие потери понёс наш полк. Но всё равно победа за нами. Она имеет в данном случае стратегическое значение. Были сорваны планы гитлеровского командования прорвать фронт на участке 182 стрелковой дивизии, зайти в тыл советским войскам, удерживающих на левом берегу плацдарм, окружить их, захватить плацдарм, форсировать Ловать и начать наступление в направлении Демянской группировки с севера и с юга. Таким образом,

посадив в ловушку советские войска, державшие в скованности группировку, могли освободить её. Был бы нанесён большой удар по всему Северо-западному фронту.

Попытаюсь нарисовать портреты наших командиров 1 батальона.

Обоих зовут Александрями. Одинакового, выше среднего роста, плечистые.

У комиссара лицо открытое, доброе, слегка тронутое оспой. В обращении с бойцами вежлив и внимателен. Гражданская профессия – учитель. В армию призван по мобилизации.

Комбат Латышев чернявый, лицо чистое, взгляд немного из-под лобья. При первом впечатлении кажется, что он человек суровый и чёрствый. Но это только кажется. На самом деле он такой же добрый, хотя в обращении с людьми проскальзывает грубоватость. Кадровый офицер. Оба одарены чувством юмора. И тот, и другой одного возраста, лет 30.

На фронте, как я заметил, люди долго воюют вместе, независимо от звания, в хорошем смысле слова сживаются. Относятся друг к другу не по-уставному, а по-товарищески. Подчинённый или младший по чину может запросто подойти к старшему по званию без официальной воинской условности.

Создаётся боевой военный коллектив, в котором дисциплина на высоком уровне сознательности. Это сближает рядовых с командирами, освобождает от скованности. Приказы выполняются беспрекословно, без окриков. Само собой, без чьего-либо распоряжения отменяется «kozyряние» которое на фронте теряет смысл.

Три дня спустя в полк приезжал командир дивизии, генерал Тихомиров, чтоб ознакомиться с боевой обстановкой нашего полка.

Сопроводить его не передовую назначили меня. «Мне одного бойца порасторопнее. Толпа не нужна» - сказал он.

Когда я, вытянувшись, стал докладывать, что боец такой-то прибыл в ваше распоряжение, генерал спокойным, предупредительным движением руки остановил меня и спросил:

- Ну Сусанин, где поведёшь?

Он среднего роста, плотный в плечах. Форма на нём сидела красиво. Лицом очень моложавый, хотя голова посеребрена. Такие люди и внешностью, и манерой обращения с первого знакомства начинают нравиться. Пропадает леденящая скованность, порождаемая разностью в чинах.

- Есть две дороги, товарищ генерал.

- А почему не три? Как в сказке:

- Прямо пойдёшь, чего-то найдёшь. Влево пойдёшь, -ничего не найдёшь, - засмеялся он.

- Никак нет, товарищ генерал, только две, но тоже, как в сказке: по правой пойдёшь – в сапоги зальёшь, по левой пойдёшь – без головы придёшь.

-Ха, ха! Да ты, вижу, смекалистый и весёлый. Так что ли, а?

- Не могу знать.

- Знать должен. А пойдём по той, где голова цела остаётся.

Я невольно взглянул на его до блеска начищенные сапоги.

- А сапоги не жаль товарищ генерал. Придётся идти вдоль ручьев, оврагом, ходом сообщения, но везде и по грязи, и путь удлиненный.

- В самый раз. Умирать нам рановато. А бережёного бог бережёт, как говорится. Мы живые нужны.

Шли мы, увязая по щиколотку в грязи. Я с тревогой смотрел, как генеральские сапоги обрастали грязью.

- Сам-то тоже по грязи ходишь? – спросил он.

- Нет, я хожу где ближе.

- Смелый, не боишься без головы прийти?

- Почему не боюсь, боюсь. Но ведь иной раз три, а то и четыре раза смотаешься на передовую. А я ведь не марафонец.

- Как же это вы распростоволоосились, немец выдавил вас из леса. А теперь занимаете оборону на гладкой местности, словно на ладони.

- Если позволите, товарищ генерал, то я так соображаю: немец силён техникой, а у нас откровенно признаться, её маловато. Вот он нас и немного потеснил. А если ещё откровеннее, то наши бойцы – чудо-богатыри. Они воюют не числом, а умением – по-суворовски. Хотя мы и понесли потери в прошлом бою, но плацдарм удержали.

- Да, плацдарм этот мы очень ценим. И должны его сохранить, - помолчал, добавил,

Сила наша состоит в том, что у нас каждый боец является стратегом, как ты, например, выбрал безопасный путь для генерала, - сказал генерал шутливо.

- Я то что?

- В немецком солдате убит человек, он автомат, а не человек. А в этом вся их трагедия. Гонят его в бой, как бессловесное животное.

- А скажите, товарищ генерал, когда наши любезные союзники откроют второй фронт! Соглашение подписали, а о нём ни слуху, ни духу?

- Союзнички привыкли загребать жар чужими руками. Откроют, когда им будет выгодно. В Берлин кофе пить не опоздают.

- А как же мы погоним немца на Запад. Опять на юге началось наступление фашистских войск. Наши сдают города, в районе Воронежа идут бои.

- Сам откуда? – спросил генерал.

- Из Воронежской области.

- Славный город, чистенький, уютный. Был я в нём.

А насчёт наступления я думаю так: Гитлер, развивая наступательные операции на юге, поставил на карту всё. В случае провала летнего наступления, а это неизбежно, придет

им капут, как они сами выражаются. Основные силы немцев уже сломали себе голову. А мы начинаем вводить в действие свои резервы. Скоро должен наступить решающий перелом. В ставке главного командования разрабатываются гениальные планы, говорю тебе по секрету, - хитровато подмигнув, сказал генерал.

За разговором, незаметно пришли мы на КП батальона. Генерал остановился перед входом в блиндаж, протянув мне руку, сказал:

- Спасибо, товарищ боец, можешь быть свободным, теперь я знаю дорогу. Меня проводят.

Я протянул ему в сильном смущении руку. Он крепко пожал её. Генерал, и вдруг пожал мне руку.

Через неделю, после боя, наш потрёпанный в боях полк отвели во второй эшелон на пополнение и отдых.

Меня взяли в распоряжение штаба полка. Нахожусь в подчинении ПНШ – 1 Михайлова. Беседуя со мной, он сказал, что Кудринский жаловался на меня. Говорил, что у меня страшный образ мыслей. А ведь так запросто может унижить человека.

Я очень рад, что вышел из его подчинения. Всегда можно видеть в его ехидных глазах зелёный свет злорадства, когда отправляет с опасным поручением.

Он как-то мне сказал:

- Удивляюсь, имеешь образование, а ходишь в рядовых.

Я не ответил. Но Лебедев задал ему встречный вопрос.

- А ты, сержант, образованный?

- Официально нет. Документа соответствующего не имею, однако фактически я начитан.

- Тогда почему же ты не генерал? Сыронизировал Лебедев.

- Ты Лебедев, безнадёжно примитивен, что ты можешь понимать в интеллекте.

- Он многое понимает, и вопрос задал вполне резонно, - вступился я за Лебедева.

- Резонно ... Может ли он правильно мыслить, не прочитав ни одной книжки?

- Верно, не прочитал, - сдерживая гневное волнение, сказал Лебедев. Зато руки мои в мозолях сормовского рабочего. Они могут всё держать и молот, и винтовку.

- Слышу голос пролетария, - сказал я одобрительно. Откуда у тебя, товарищ младший сержант, такое высокомерное самомнение.

Кудринский не ответил, но в рысьих глазах вспыхнул зловещий огонёк.

Мы знали, что начальник наш до войны работал в должностях по хозяйственной линии, толи завскладом, толи заготовителем. Одним словом, работал там, где можно свить тёплое гнёздышко.

... Мой престиж повысился. Пользуюсь доверием. Кудринский даже изменил ко мне отношение. Стал заискивать. Предлагает книги читать, которые ему посылкой выслала незнакомая девушка. Вот ведь старый искуситель. За алименты под суд попадал, а теперь девушке, пользуюсь её доверием, крутит голову.

1 сентября 1942 года

В конце августа полк, пополненный новым контингентом и отдохнувший, занял оборону правее старой, ближе к станции Рамшево. На станции я не был, но рассказывают, что от неё ничего не осталось. А железнодорожные пути поросли бурьяном.

Оборона проходит по густому лесу, иссеченного оврагами, и хорошо маскирующего от обстрела вражеской артиллерии и снайперов. Для связных существует одна опасность: приходится перемещаться из одного пункта расположения тыловых подразделений в другой в ночное время.

Не исключается возможность напороться на немецкую разведку, которая может просочиться где-нибудь на стыке. Но как-то не приходит в голову, чтоб мог оказаться в руках врага. Может потому, что немецкая разведка на нашем участке никогда ещё не просачивалась. Говорят, что немцы боятся ночью соваться в нашу оборону. Зато наши разведчики проникают в немецкий тыл, и приводят языка. Правда, не обходится и без того, что попадают под обстрел и теряют своих разведчиков.

15 декабря 1942 года

После того, как наши доблестные войска под Сталинградом туго стянули петлёй крупную группировку немецких войск, на нашем участке немцы присмирели. Ни самолётов не видно ихних, ни артиллерийского обстрела не слышно. Только ночью они проявляют нервозность. Всю ночь тархтят пулемётами. Трассирующие пули, словно новогодние фейерверки цепочками повисая в небе, переливаются разноцветными огнями. Стараются отпугивать наши «У-2», которые нисколько не боятся, летают себе и вываливают смертоносный груз на головы фашистам.

Тут я вспомнил слова генерала. Перелом начался с разгрома паулевской армии.

6 января 1943 года

В обороне стояли до конца декабря 1942 года получил приказ о передислокации. Нашу дивизию перебрасывают на другой участок Северо-Западного фронта, в район Демянска. Очевидно для участия в ликвидации группировки.

Пятые сутки по зимнему бездорожью пробиваемся к месту назначения. Движемся ночами. Днём, маскируясь в лесах, кустарниках, отдыхаем. Тащим на себе всё хозяйство, даже железные печки, очень нужные в походе.

Прошли километров 150. Пересекли Валдайскую возвышенность. В зимнее время её почти не воспринимаешь.

Воздух замороженный, перемешанный с лёгким туманом, скрывает её от взора.

Местность малолесистая, чаще встречаются кустарники, в которых мы вовремя дневных стоянок укрываемся от немецких воздушных разведчиков.

Спать приходилось мало. Лишь днём, зарывшись в снег, словно глухарь, прикорнёшь на какой-нибудь часок. В деревню заходили всего один раз. Не хватало места в домах, которые пустовали. Хозяев из прифронтной полосы эвакуировали в тыл. Приходилось временно, на один день, обживать всякие уцелевшие нежилые помещения: клетки, сарайчики.

Очень хотелось спать. Нет ничего труднее, как бороться с этой физиологической потребностью во время похода. Не под силу бывает удержать себя от желания лечь в снег и заснуть. Некоторые бойцы не выдерживали, ложились и сразу засыпали. Командиры силой поднимали и заставляли идти. Засыпали на ходу. Идёшь и видишь сон. Часто впадая в состояние, будто я дома и мне готовят постель, которую я никак не могу дожидаться. Кто-нибудь толкнёт, и вся эта иллюзия сна пропадает к великому разочарованию.

Погода за время похода резко менялась. В начале пути стояли трескучие морозы, мела метель. Колочий ветер обжигал лицо, пробираясь под шинель. Мороз сменялся оттепелью. Пошёл дождь, который ещё больших доставил огорчений. Промочил нас, как говорится, до костей. Обувь – зимние валенки. Как губка набухли водой, становились непомерно тяжеловесными. Шлёпаешь по воде, словно лапами, а ногам до боли холодно. Выходить на сравнительно сухое место, в ходьбе вода в валенках согревается, начинаешь ощущать какую-то неприятную, тёплую сырость, от которой саднят ноги.

На четвёртые сутки снова заморозило. Валенки и шинели, а у некоторых овчинные полушубки обрели твёрдость железа. От движения трещат, как стеклянные. Присесть невозможно. Одежда не сгибается, поджимай ноги –

повисай, выдержит. Холод сковал всех ледяным панцирем. Тело коченеет.

В таком запорошенном виде пришли в какой-то лес. Там пустовали бараки, сооруженные надобностями войны. Как мы обрадовались этому жилью. Железные печки очень пригодились. Натопили до банного состояния. Просушили обувь, одежду, вскипятили чай, поужинали в тепле и, испытывая блаженство, завалились спать первый раз за время похода с таким комфортом.

В бараках простояли два дня. Хорошо отдохнули, даже помылись в импровизированной бане.

В боевых действиях участия не принимали. Говорят, что немецкая группировка, страшая Сталинградского урока, сумела выскользнуть из «мешка». Не удалось затянуть на её шее петлю.

На отдыхе простояли мы две недели. Размещались по деревням, со странными названиями Семёновщино, Кобылицыно, впрочем хорошо я не уяснил эти названия.

5 февраля 1943 года

Получили приказ возвращаться на старое место, в район фанерного завода. Передвигались тем же маршрутом, поход проходил более-менее в сносных условиях. Погода стояла с умеренными морозами.

11 февраля 1943 года

По-видимому, купание под ледяным дождевым душем не прошло бесследно. По возвращении из похода, я заболел. Образовался флюс. Повысилась температура до 39 градусов. Челюсть немилосердно разнесло, как резиновый мяч, вздулась щека.

Фельдшер осмотрел меня и непромедлительно направил в санроту. Там врачи сочли необходимым положить меня на исцеление.

Поместили в тёмный, не отапливаемый сарайчик, в котором два топчана с разостланным сеном. Чтоб я не замёрз,

принесли овчинный тулуп. Я завернулся в него, словно личинка в кокон, и совершенно не чувствовал холода. Опухоль прогревали химической грелкой, которую меняли два раза в сутки.

На мой вопрос: сколько времени мне придётся находиться в объётах непомерно тёплого тулупа, ответили: до полного излечения.

Через три дня придет зубной врач, осмотрит мой зуб и, возможно, удалит его.

Прошло четыре дня, а врач не приезжает. Чертовски надоел тулуп и без дела валяться надоело, да и флюс будто стал меньше «стрелять».

Прошу, чтобы выписали, но врачи что-то медлят.

- До каких пор я буду у вас валяться, скоро наши пойдут в наступление, мне нужно быть там, а не здесь скрываться в овечьей шкуре. У вас и без меня будет с кем возиться. Не выпишете – уйду.

Командир санроты, капитан медицинской службы, посмотрел на меня и, усмехнувшись, сказал:

- Пожалуй он прав, выпишите его. Вижу, что настроен он удрать самостоятельно.

20 февраля 1943 года

Идёт полным ходом подготовка к наступательным боям. Стягиваются огромные силы, которые будут использованы для прорыва фашистско-немецкого фронта в направлении Старой Русы, являвшейся сильно укреплением немцев. С его аэродромов вражеские самолёты совершают налёты на наши передовые части оборонительной линии и на тыловые коммуникации.

Лес буквально наполнялся техникой. День и ночь гудят моторы: идут автомашины, груженные военными грузами, лязгают гусеницами танки, тягачи тянут пушки. Впервые на нашем участке фронта появились «Катюши». Прибывают воинские подразделения.

Немец сидит тихо, настороженно, затаился. Авиация его давно не появляется в воздухе. И артиллерия стала реже обстреливать наши позиции.

Немалое беспокойство причиняют немцам наши новые бомбардировщики «У-2». Стоит появиться «кукурузнику», вражеские зенитки начинают надрывно лаять, прожектора встают частоколом на ночном небе, трассирующие пули прошивают пунктиром пространство. Но всё напрасно. Самолёты с приглушёнными моторами, на небольшой высоте подкрадываются к цели и, как картошку из мешка, высыпают на голову фрицам связки гранат, мелкие бомбы.

Немцев сильно раздражает, они неистовствуют. Начинают палить в пустое небо. Прожектора мечутся из стороны в сторону, но безрезультатно. След самолёта давно простыл.

*На этом дневник обрывается.
О том, что происходило в последующие дни, я
записал много месяцев спустя, находясь на излечении в
эвакогоспитале №1397 в г. Омске.*

Наступление назначено на восемь часов утра 23 февраля 1943 года.

Артподготовка началась оглушительным рёвом наших батарей. Пожалуй, впервые на Северо-Западном фронте во весь голос заговорил грозный бог войны. Лишь на участке 182 стрелковой дивизии двести пушек и десяток «Катюш» посылали снаряд за снарядом в стан врага. Огненный вал обрушился на передний край немецкой обороны, круша и сметая с лица земли все оборонительные укрепления, которые немцы старательно создавали в течение года, готовясь к наступлению на новых направлениях.

Минут сорок немцы не отвечали. По-видимому, были ошеломлены неожиданным ударом.

Взломав первую укреплённую линию, их было четыре, артиллерия наша перенесла огонь дальше, вглубь. Потом грохот канонады смолк. Батальоны с криком “Ура!” стремительно пошли в наступление. Переднюю линию заняли без особого труда. Многие немецкие солдаты были убиты, а живые, бросая раненых и оружие, бежали в панике.

Оправившись от шокового удара, противник открыл массированный ответный огонь. Столкнулись две мощные силы. Наступление временно приостановилось. Связь штаба полка с наступающими батальонами 232 стрелкового полка оборвалась. Восстановить под сильным огнём не удаётся.

Вызывают меня в штаб. Капитан Михайлов (теперь он капитан) сказал:

- Надежда на тебя, ты знаешь местность, пройдёшь в 1-й батальон. Вот пакет, очень важный. Выяснишь обстановку. Лебедева уже послали во 2-й батальон.

- Слушаюсь, товарищ капитан!

- Ладно, давай без этого... Обними меня, всё же земляки, братья земли воронежской.

Идти нужно километра два с половиной, среди сплошных взрывов. Немцы сильно огрызались. Снарядов не жалели.

Снег почернел от копоти и земляной пыли, выбрасываемой взрывом из глубины взрывных воронок.

Рогатясь корнями, лежат великаны сосны, павшие как герои. Перебежками от дерева к дереву, от воронки к воронке, сквозь дым и огонь по выработанной привычке пробиваюсь на КП 1 батальона. Смерть бушует в огненном вихре. Охватывает обострённое желание выжить. Страх не чувствую, владеет другое чувство, ответственность за порученное дело. У меня приказ, от которого зависит судьба многих и успех наступательной операции.

«Выжить, только выжить, я ДОЛЖЕН дойти» - металась в голове мысли. Разве я новичок. И раньше бывали всякие грозные случайности, могшие стать началом конца.

Грохнется снаряд почти рядом, кто-то упал сражённый, я остаюсь невредимым. Или вдариться о землю металлическая болванка, шибёт с ног воздухом и не разорвётся. Угрожающе торчит носом из земли. Вскაკиваешь и удираешь со всех ног. Что на «уме» этого чудовища – может с замедленным действием. Много снарядов у фашистов было с браком.

Как-то пришлось быть на КП батальона, занимавшего сильно укреплённый дот. Немцы пытаются уничтожить его фугасами. Но тщетно. Одиннадцать снарядов кольцом положили вокруг КП, и ни один не взорвался. Шлёпнется – земля задрожит, а взрыва не последует.

Однажды, на самой передовой это было, пришли мы туда с командиром полка Мадановым. Начался миномётный обстрел. Все, кто находился на поверхности, бросились в укрытие, которым оказался низенький бревенчатый блиндажик. Вполз я последним, не успел подобрать ноги, торчали из-под укрытия. Осколок, величиной с ладонь, так резанул по ботинку подошвы, как не бывало.

А сколько раз попадал под прицел снайперов, под взрывы мин, под пулемётные очереди. Пули сбивали пилотку, пролетали между ног, пробивая полы шинели.

Все эти случаи приучили меня к тому, что я стал думать о фатальности своей судьбы. О какой-то неуязвимости.

Пробежал половину пути. Дорогу преградила упавшая сосна, а рядом неглубокая, ещё слабо дымившаяся, выдолбленная снарядом воронка.

Бросился в глаза свёрнутый кольцом конец перебитого провода. «Повреждение, связать». Мелькнула мысль.

Схватил конец провода и потянул к воронке. Стал искать другой, он оказался под поваленной сосной. Спустившись в воронку, так безопаснее, принялся зачищать концы. К счастью, нож был при мне. Работал проворно, будто всю жизнь занимался этим делом. Подтягиваю концы, чтоб соединить, они не сближаются. Укороченными оказались. И

не хватает всего сантиметров 30. Что же делать? Чем соединить? Хоть какой-нибудь металлический предмет попался. Обшариваю глазами вокруг – ничего подходящего не обнаруживается.

Стой: винтовка! Она может заменить недостающую часть провода. А как же я останусь без личного оружия? За такое по головке не погладят. И медлить нельзя, пакет срочный. Вот ведь задача! «Нашёл!» - блеснула мысль. Вывернул из винтовки шомпол и в одну секунду нарастил им конец провода. Снял валенок с ноги, размотал портянку и «забинтовал» ею сращенное место провода. Вроде бы изоляцию наложил – на всякий случай. Покончив с этой операцией, я выскочил из воронки, придерживая приклад винтовки, побежал дальше, лавируя между фонтанами разрывов. Пули свистят, сбивая хвою с веток деревьев, осколки клюют стволы, отрывая щепки.

Вот и КП – низенький блиндажик, рубленый. Высокая сосна, а под ней люди. Комбат Агафонов (теперь он комбат, Латышева перевели в другую часть) сидел у телефона. Радость забила в груди, телефон действует.

- Огня, огня дайте! Немцы прижали нас к земле.

Сообщаем координаты, - кричит в трубку комбат.

Увидев меня, он протянул руку:

- Давай!

Я подал пакет. Он разорвал конверт и извлёк бумажку. Расписавшись на пустом конверте, подал его мне.

- Не успел я встать на ноги, раздался над головой оглушительный взрыв. Взорвалась вражеская мина, зацепившись за верхушку сосны. Меня с огромной силой толкнуло в правое плечо и ударило обломком дерева по голове. Я упал ничком. Показалось, что сосна повалилась и насквозь проткнула меня.

Очнулся я лежащим в блиндаже. Не помню, кто меня туда втащил.

Чувствую: кто-то стоит. Открываю глаза: надо мной склонился капитан Мельников, командир роты связи.

(Очень красивый блондин, мы его уважали. Со мной он был в близких отношениях. Считал меня земляком. Закончил Воронежское училище связи. Кроме него уже никого не было.

- Живой? Что же тебя не отправили на перевязочный? – спросил он.

- Не знаю. А там как?

- Продвигаемся... Я сейчас, - он исчез.

Пришёл санитар с волокушей, который отволок меня на перевязочный пункт, находившийся в метрах двухстах.

Положили нас четверых, тяжело раненых, в сани и повезли в санроту, которая находилась в сосновой роще, недалеко от железнодорожного полотна.

Среди нас оказался командир роты 2 батальона. У него перебиты обе ноги и правая рука. В бреду он продолжал командовать, сильно толкая меня здоровой рукой в раненое плечо.

Дорогой попали под артобстрел. Снаряды начали рваться впереди, позади и с боков. Ездовой, человек уже не молодой, видимо, испугался, бросил нас, спрятавшись в ближайшей воронке. Мы лежим в огненном кольце и равнодушно ждём своего конца. Лошадь, понуро опустив голову, вероятно, была привычна с равнодушием смотреть на пляшущую смерть.

Огненный шквал немцы перенесли куда-то вглубь нашего тыла. Опасность миновала. Вернулся ездовой.

- Что же ты, дядя, бросил нас на произвол судьбы? – без укора спросил я ездового.

- Живот смерти боится.

- Давно на передовой?

- Недавно, а бой вижу впервой.

- Оно видно. Необстрелянный ещё.

В санроте оказали первую помощь. Увидел меня командир санроты (фамилию не вспомню):

- Ну вот, опять к нам попал. К сожалению, на долго, что у тебя?

- Правое плечо отшиб фашист проклятый.
- Теперь далеко увезут. Оттуда брат, не убежишь на передовую.

Увезли меня далеко. В начале в Кресцы, потом в Батецк, в Ярославль и наконец – в Омск. Эвакогоспиталь 1397. Долго в глубоком тылу не могли привыкнуть к мирной тишине и к отсутствию светомаскировки.

После войны пытался разыскать своих фронтовых друзей, но оказалось тщетным. Писал кое-куда, ответа не получил. А хотелось бы знать, какова судьба у каждого. Кто из них остался в живых. № полевой почты нашей был 1462. Прошу извинить за то, что почерк у меня не очень разборчив. В плече до сих пор 12 осколков сидят. Сильно беспокоят, боль отдаёт в руку, мешает писать. Напишу несколько строк и рука начинает царапать каракули. Так всю жизнь, вот она память войны, не забудешь.

И ещё: если будете печатать, на что мало надеюсь, то не возражаю, поступайте с рукописью, как вам будет удобно.

21.02.1980 г.

ЧАСТЬ 2
ФИНОГЕНОВ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Финогенов Василий Яковлевич

01.04.1924 – 27.12.1984 гг.

Звание: сержант

Должность: физинструктор

Место службы: 244 Стрелковая Дивизия 3
Украинского фронта

Место рождения: Воронежская область,
Панинский район, с.3-я Ивановка

Призван в Красную Армию 08.06.1942 г.

Панинским РВК, Воронежской области

Награды: Медаль «За боевые заслуги» 23.11.1944 г.

*Уважаемые
учителя и ученики
1-Михайловской школы!
Вы просите меня
написать воспоминания о
Великой Отечественной войне
1941-1945 годов.
С удовольствием
выполняю вашу просьбу. И если
в моих воспоминаниях вы
найдёте что – то полезное,
интересное, поучительное, то
я буду очень рад и благодарен
вам.
С уважением гвардии
старшина в отставке.*

В каждой истории есть своя предыстория. Поэтому считаю нужным начать воспоминания о Великой Отечественной войне намного раньше, с своего детства.

Родился я в 1924 году в крестьянской семье в деревне 3-Ивановка. В нашей семье было много детей, но к этому времени, как я стал что то помнить и понимать, нас осталось трое. Старшая сестра Маша, я и меньшая - Дуся. У нас четвёртым ребёнком воспитывалась материна младшая сестра Катя. Отец Яков Потапович, призванный ещё в царскую армию в годы Октябрьской революции вместе со своими однополчанами, перешёл на сторону восставшего народа и прошёл по всем фронтам в общей сложности 8 лет. Израненный и контуженный, весной 1933 года умер.

В том же году я пошёл в местную школу. У нашей матери Марфы Яковлевны, деревенской неграмотной женщины, нас осталось четверо. Оставшаяся без кормильца в эти тяжёлые годы, годы неурожаев, тяжёлым по тем временам налогам, и без этого бедняцкая наша семья превратилась в нищую.

Голодный, полураздетый я окончил 4 класса начальной школы. Дальше учиться было невозможно. Я целый год пропустил учёбу и, благодаря помощи крёстного отца Деженина Кирилла Яковлевича, я возобновил учёбу в 1-Михайловской неполной средней школе.

Шло время, я должен уже закончить семилетнее образование (большого в нашей школе не было). И стал вопрос: а что дальше? Дальше учиться средств не было.

К этому времени не хватало в стране рабочих кадров. Требовались специалисты на фабриках, заводах, железных дорогах. И наша партия и правительство издало закон об образовании рабочих кадров, т. е. образовании школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ.

Появилась возможность получить специальность. И я, не окончив полностью семилетку, в декабре 1940 года по распределению Панинского райисполком, это входило в его функции, был направлен с другими товарищами в школу ФЗО на станцию Грибановка, это под г. Борисоглебском нашей области. Со мною поехали в школу житель 1-Михайловки Ваня Зеленин, не по возрасту крупный парень, двое

Головановых, один из Никольского, другой из Воскресеновки (Ваня Голованов из Панино). В школе мы учились ремеслу и сразу же проходили практику. Учили нас изготавливать табуретки, стулья, платяные шкафы, лыжи и многое другое, что можно сделать из дерева. В мае 1941 года мы должны были сдавать зачёты, но нас, лучших учеников, по журналу успеваемости без зачётов аттестовали добрую сотню человек и направили в город Таганрог.

К нашему удивлению и невообразимой радости нам доверили изготавливать не столы и стулья, а военные самолёты! И так я со своими товарищами с мая 1941 года стал работать на оборонную мощь нашей Родины, а Родина позаботилась о нас, молодых рабочих, предоставив нам возможность учиться в вечерних школах общего образования, были курсы по повышению квалификации, к нашим услугам были открыты школы шофёров, аэроклубы. Наши руководители завода шутили над нами: «Может, кто хочет жениться, то пожалуйста, предоставим квартиру!» Но за этой шуткой была серьёзная, правда, забота, представлялась возможность перевезти семью и получить квартиру. Но всеми этими благами не суждено было воспользоваться.

С 21 на 22 июня 1941 года наша группа работала в ночную смену. Наш цех, так и весь завод жил и работал в обычном деловом режиме, ведь с приходом молодых кадров, а нас туда собрали из 14 школ, цеха были буквально забиты готовой продукцией. Кончив смену и выйдя из проходной завода, мы сразу заметили перемену в городе. Была необычная суета, горожане кучками собирались возле улочных репродукторов. В то утро мы узнали, что пришла одна из величайших бед. Репродукторы голосом Молотова произнесли это грозное и страшное слово «ВОЙНА!»

Началась жизнь и работа по военному времени. Хотя с предприятий оборонного значения старались не призывать в армию лиц призывного возраста и резервистов. Но лица имевшие воинские специальности или воинские звания, а также коммунисты всех специальностей,

добровольно шли в военкоматы с просьбой, а часто и с требованием, чтобы их отправили на фронт. Колоннами добровольцы уходили на призывные пункты. С каждым днём число рабочих и служащих на заводе убывало. Рабочий день увеличился до 10 часов, норму выработки увеличили вдвое. Вступил в силу закон: «Всё для фронта, всё для Победы!» Не знаю, какое отношение имел тогда маршал Советского Союза Семён Михайлович Будёный, но он прислал благодарственную телеграмму всему коллективу нашего завода, которую зачитали нам на заводской площади, это за выпускаемую продукцию, т. е. за изготовленные нами самолёты.

Просмотреть полностью Немецко-фашистские грамилы в это время продвигались довольно быстро в глубь нашей страны. Из разговоров старших товарищей мы услышали, что должны завод эвакуировать. Как позже узнали, не без чёрных услуг врагов народа эвакуация завода была задержана. Вывезли только документацию завода и выпускаемой продукции, готовую к действию продукцию, остальное всё было уничтожено. Врагу ничего не досталось! Как было тяжело и больно уничтожать всё то, что таким напряжённым трудом было сделано своими руками. Но это было надо. В этих словах было заключено всё, что требовало положение военного времени. Когда было сделано всё, что требовалось сделать, мы не выходили с территории завода последних трое суток, и наша совесть перед народом и правительством была чиста, нам открыли двери завода на все четыре стороны света с напутствием поступить так, как велит совесть. С тяжёлой болью мы покидали наш так полюбившийся нам завод, прекратив такую интересную и полезную работу.

Старые рабочие спешили в свои дома, к своим семьям, а мы, молодёжь, на какое-то время остались не у дела, без присмотра, как бы посторонними в этом городе. Возраст был ещё не призывной, в армию нас не брали, и тогда мы решили ехать домой. Не буду подробно описывать, как мы

добирались до дому. И битком набитые подножки вагонов, и тамбуры санитарных вагонов, через горящие железнодорожные станции, где на телефонных и электрических проводах висели человеческие внутренности, человеческие тела, вагонные колёса, заброшенные взрывом на крыши ближайших строений, горящие цистерны с горючим. Это надо было видеть своими глазами, чтобы представить все бедствия, весь ужас, что принесла с собою война. От Ростова до Воронежа в мирное время проехать не потребуется и суток, а мы добирались пять. Мы, это я, Ваня Голованов из Панино и товарищ из Воронежа, фамилию и имя которого, к сожалению, забыл.

Зимой с 1941 на 1942 год мы, молодёжь, были привлечены на оборонительные работы. А потом настала весна 1942 года. Сельский совет тогда размещался в Марьевке. При сельсовете был курьером житель Марьевки Витя Колдин. Его то и дело можно было видеть то в одном, то в другом селе с пакетом, депешами, распоряжениями. У нас в Ивановке правление колхоза находилось в доме Кругова Никиты. И вот однажды, а именно в июне 1942 года, на взмыленной лошадке, примчался Витя Колдин, махая рукой, приглашая в правление колхоза (именовался наш колхоз имени 1й Конной Армии). А привёз он призывные повестки в армию. В них было коротко сказано: «Явиться в Панинский райвоенкомат для прохождения медкомиссии, имея при себе ложку, кружку, пару белья и на трое суток продуктов». Медкомиссия была короткой: рост, объём груди, целы ли руки, ноги и «годен!» отпускали только с большими дефектами. Годных оставляли при военкомате. Тут же возле стен военкомата мы переночевали, а утром в сопровождении военного человека пешим ходом пошли на станцию Грибановка. Началась полевая военная жизнь.

Размещались в лесу. Пробыли примерно, с неделю. Прибывали и прибывали всё новые партии призванных молодых людей. Затем выстроили на опушке леса и стали расформировывать по командам. Сначала вызвали лиц,

имеющих высшее образование. Это была группа особого назначения. Затем организовывались группы согласно образованию. Я был зачислен с другими такими же, согласно образованию, ребятами в полковую школу младшего командного состава. Затем был Липецк, затем военный гарнизон Силиксы в Пензенской области. Там из нас стали готовить младших командиров. Во время формирования меня разлучили со своими односельчанами: Тимофеем Дворяновым и Андреем Круговым, но рядом остался одноклассник Володя Чистов, житель 1-Михайловки.

Началось становление не просто солдата, но и младшего командира. Тяжёлое это становление. Из нас выжимали не семь потов, как говорят в народе, а столько, сколько потребуется, а зимой нередко портянки примерзали и к ботинкам, и к ногам. Недаром есть изречение: «Тяжела лямка солдатская». И так три месяца упорного учения. Да и учиться было нелегко. Нелегко было познать всю армейскую азбуку, навыки быть и солдатом, и командиром. Трудность армейской азбуки состояла в том, что мы, молодые люди, были не так богаты кругозором. Современная молодёжь смотрит кинофильмы, что для нас было редкостью, телепередачи, читает множество газет и книг, получают военные навыки ещё в стенах своей школы на уроках НВП. Мы ещё и этого были лишены. Хочется привести такой опасный случай. У нас не было младших командиров, нехватало их. На взвод был только комвзвода. Роль комвзвода отделения исполнял курсант. Нас по очереди на 10 дней поставили комотделениями и так меняли до последнего. В общем готовили ускоренными темпами, сочетая теорию с практикой – быть командиром.

Выйдя на учебное поле каждое отделение занималось согласно программе кому что было запланировано. На моей десятидневке в этот день пришлось изучать гранату Ф-1, как её называли «лимонка». Мы облюбовали окоп для круговой обороны, для пулемёта. Удобно уселись, свесив ноги в окоп. Сердцевина служила нам

столом. В руках у меня постановление и боевая граната. Всё шло хорошо. Прочитывая абзац за абзацем, запоминали устройство и боевые качества. Перерыв. Все встали, образовался настоящий круг. Рядом стоящий курсант попросил посмотреть гранату. Из-за неосторожности выдернул предохранительное кольцо, раздался щелчок, сработал ударный механизм. Через три секунды должен произойти взрыв. Курсант растерялся, выронил гранату под ноги. Все замерли, раскрыв рты. Не знаю, как у меня получилось, но нога сработала быстрее, чем сработал мозг, я ногой толкнул гранату в окоп. Грянул выстрел, все попадали, хотя это было бы поздно, разорвись граната не в окопе. Когда рассеялась пыль. Поднятая взрывом гранаты, все встали, все были живы и невредимы, осколки остались в стенах окопа, а сердцевины окопа, нашего «столика» как не бывало. К нам бежали командиры, дежурные по учебному полю. Нас было 10 человек. От нас могли остаться изрешеченные тела. Вот к чему привела бы неосторожность, неграмотность в военном деле.

Затем, не присвоив нам военных званий, переабмундировав в зимнюю одежду, повезли на фронт. Куда мы ехали, не знали. Новый 1943 год мы встретили в битком набитых вагонах. Зима с 1942 на 43 год была на редкость суровой. Стыли ноги и, если кто вставал погрееется к единственной в вагоне маленькой печурке, то лечь уже было негде. Ложились сверху товарищей и потихоньку втискивались меж ними. Узнали, куда нас привезли, лишь когда разгрузились. Это была железнодорожная станция Филоново. Затем был дневной переход строем до станции Алексеевка. Стало ясно: Сталинград!

Мы расположились в каком-то большом двухэтажном доме. Комнаты быстро пустели: люди уходили за Волгу, к Сатлинграду, в бой. За три дня осталась только наша команда. Прошёл слух: нас назначают в разведку. Молодые, здоровые ребята ещё больше подтянулись,

повысилось настроение. Кто же не мечтал стать разведчиком? Но слух был ложный.

Нам объявили, что поступаем в распоряжение 200-го запасного полка 3-го Украинского фронта, учебный батальон. Снова запасной? Снова учебный? Многие были с этим не согласны. Некоторые пытались бежать на передовую. Не многим это удалось. Которых задерживали, судили рев трибуналом, как дезертиров и отправляли на фронт, только в штрафные роты и батальоны (к этому времени были созданы такие подразделения).

Я уже упоминал, что со мною служил мой одноклассник Володя Чистов.

- Что будем делать? – спросил он. Мы ведь приняли воинскую присягу. И так было ясно, что делать. Мне припомнилось поучение старых солдат. Которые советовали: на службу не навязываться, от службы не отказываться, тогда ты будешь настоящий солдат. Я как-то не придавал значения этому поучению, да и не совсем тогда понимал смысл этих слов. Но здесь я понял: не делай, что тебе хочется, а делай, что тебе скажут. Военачальникам виднее кого, когда и куда послать. И это закон для подчинённого. Этими мыслями я поделился с Володей.

Так мы снова стали курсантами учебного батальона. Война есть война, и нас ожидали новые испытания.

Выйдя походными колоннами пешим порядком из станицы Алексеевки Сталинградской области, нас провели по 4 –м областям. В общей сложности во времени три месяца. Прошли Сталинградскую, Ростовскую, Воронежскую и остановились в Ворошиловоградской области, Мостковского района. Вели нас полевыми просёлочными дорогами, подальше от больших магистралей. Нехоженые и неезженные дороги затрудняли движение. И хотя не богато солдатское имущество, но оно всё на спине, никакого транспорт. В пути пользовались недолгими остановками, командиры проверяли и уточняли маршрут, а для нас была небольшая передышка.

Не помню всех населённых пунктов, которые прошли. Помню только некоторые из них Колодезная, ст. Подгорная, Богучар прошли ночью. Серый, закопченный, полуразрушенный настораживал своими абсолютно тёмными улицами и домами. И только где-то на окраине увидели слабо мерцавший огонёк, словно вдавленный в снег. Не всегда приходилось ночевать в тёплых квартирах. Чаше отдыхали в скирдах соломы. Но помню, в каком месте перешли замёрзшую реку. Стояло разрушенное большое помещение, видно речная пристань. Из-под льда торчало несколько мачт, затонувших речных кораблей. Разрешили переночевать. Где лечь? Заглянули в помещение: ни окон, ни дверей, ни потолка. Выше оконных проёмов занесено снегом. Попробовали пройти, провалились по пояс в снег. А вокруг помещения цементированная площадь, продуваемая ветрами, прожженная январскими морозами. Улеглись на цемент с подветренной стороны. Вот такова постель была в эту ночь. Я упоминал о ст. Подгорное. Там я расстался с последним близким товарищем. Володей Чистовым. Меня послали с пакетом в соседнее село. По возвращению, входя на улицу посёлка, я видел: строем уходил в сторону вокзала взвод. Я и подумать не мог, что от меня уходит мой близкий товарищ в составе всего нашего взвода. Их в срочном порядке должны отправить на передовую в качестве разведчиков. Пока я добежал до штаба и доложил о выполнении приказа, пока узнал, что это ушёл мой взвод, было уже поздно, они уехали, а мне ещё предстоял долгий путь.

Вошли в Ворошиловоградскую область уже в марте. Весна наступила рано, дороги превратились в настоящее месиво из снега и грязи, валенки прохудились, в них набивалась грязь. И без того уставшие ноги становились налитыми свинцом. С трудом приходилось снимать их с ноги. Выскребешь грязь из валенка, перемотаешь портянку другим концом и снова в дорогу. Устали до предела. У многих были синяки или ссадины на лбах. Заснув на ходу, сзади идущие натывались на оружие впереди идущих. Часто на ходу

заснувший падал снопом на дорогу. Приходилось брать друг друга под руки, по четыре человека, как шли в строю.

Наконец пункт назначения. Районный центр Мостки Ворошиловоградской области. Рсквартировали. Армия есть Армия. Значит, должны быть караулы. Часовые могли себе под ноги постелить соломы или положить доску, а вот патрулями приходилось ходить из конца в конец улицы по грязи в валенках. Это длилось, пока не прибыло пополнение. С ними переобмундировали и нас в летнюю форму. В одно время я с другими товарищами был назначен в наряд. Пост мне достался у дома комбата, и рядом стоявший амбар, служил нам складом. Комбат в это время болел. Я стоял на посту в ночное время, когда вышел из дома комбат. Без головного убора, шинель внакидку. Я поприветствовал его, назвал себя. Он произнёс: «Ещё послужим вместе». Я не понял смысл его слов. Ведь конца войны ещё не было видно. Ясно, что ещё послужим. К утру всё прояснилось. Весь личный состав батальона был поднят по тревоге еще до подъема и отведен в церковь, переделанную в сельский клуб. Через каких-то пол часа строй проследовал в обратном направлении. На ходу кое-кто выкрикивал прощальные слова. Курсантам прочитали приказ о присвоении им звания сержантов и были отправлены на фронт под Миллерово. В это время там шли кровопролитные бои. В учебном батальоне остались только те, кто был в наряде. В полдень нас сняли постов, сгруппировали в одну группу, зачитали тот же самый приказ в котором нам присваивалось звание сержантов. Вскоре нас перевели из посёлка в ещё не распустившийся лес.

У солдата везде найдётся жилище. Вырыв землянки и накрыв их ветками, соломой, старой травой, засыпав землёй, вот и жильё. Ничего, что поутру из - за пазухи приходится вытряхивать землю, зато не так ветрено.

Снова поступило пополнение. Разбив прибывших по отделениям и по взводам, нас, как старослужащих и обученных, закрепили командирами отделений. И снова сложная ситуация. В военном деле мы были выше их на

голову, годились в преподаватели, а вот в общеобразовании они были грамотнее нас. Большинство городских юношей были развитее нас, грамотнее 8-10 классов образования. Пришлось их обучать военному делу, а у них учиться познавать, кто такой Борис Годунов, что из себя представляет соната Бетховена и т. д. обучая других. Учёба не кончилась для нас самих.

Я упоминал, что мы поселились в ещё не распустившийся лес. Он просматривался со всех сторон, а также сверху. Наше местоположение было недалеко от городов Старобельска и Беловодска.

Фашистские стервятники ещё могли возить свой смертоносный груз на эти города, и они пролетали либо над нашим лесом, либо недалеко от нас. Однажды случилась беда. Во время утренней физзарядки, в небе появились фашистские самолёты. Это было на первое мая 1943 года. Из соседнего батальона, от нас не более полутора километров, за пригорком, возвратились курсанты из ночного дозора. Им положен дневной отдых. Тепло, тихо было в лесу, и они всем взводом улеглись на траве под деревьями на отдых. Спокойно уснув, не чувствуя беды, а она уже была над головой. Фашисты заметили движение в лесу. Один самолёт, отклонившись от курса, сбросил смертоносный груз и ушёл догонять своих. Произошло прямое попадание. Это была не бомба, а ящик с минами. Воронки не было. Было место прорезано тысячами осколков, то место, где заснули уставшие за ночь курсанты. Их было 22 человека... говорят, война без потерь не бывает. Да, это так. Но одно дело погибнуть на передовой, лицом к лицу с врагом или вот так, не убивши ни одного фашиста, не сделав ни одного выстрела, ещё ничего не сделав для защиты своей Родины, своего народа. Очень горько, очень обидно, до глубины души больно аз них. Собрали от них отдельные части тел, не зная, чья рука, чья нога, чья голова. Это было жутко...

А в середине мая к нам приехали «покупатели». Так называли представителей с линии фронта. В этот набор попал

и я. Не хочется рассказывать подробно о моём уходе из учебного батальона в маршевую роту, ибо я сам настоял на этом, даже в нарушении Устава, применив даже грубость. Чего со мной прежде никогда не было. А причиной было не уставное поведение одного из офицеров нашего батальона, который впоследствии был разжалован в рядовые с отбытием в штрафной батальон. Теперь я точно знал, что иду на передний край.

Шли мы весь световой день и больше полуночи. Перед рассветом нам разрешили переспать, свернув с дороги в какую-то лесопосадку. В темноте ночи мы устроились, кому как удобнее, а утром выяснилось, мы ночевали на кладбище, и изголовьем нам служили могилы. Это никого не смутило и не напугало, потому что к этому времени большинство из нас повидали и кровь, и смерть товарищей. Но не обошлось без иронии. Кто - то сказал: «Ведь и в самом деле кто-то из нас окажется на кладбище». Ведь шли - то не к теще на блины. Неведомо мне, сколько нас было, но много и поскольку из учебного батальона о все были сержантский состав. Затем от одной инстанции спускаясь всё ниже к другой инстанции, нас привёл проводник к штабу батальона всего 4 человека. Это было в бывшей Сталинской области. Военская часть, в которую мы прибыли пополнялась, одновременно занимая вторую линию обороны.

Прибыв на место, как обычно, оглядываешься, а не ли кого знакомого? Нас подвели к группе офицеров, стоявших в сумерках заката солнца угасающего дня и наблюдавших, как вдаль на переднем крае пели свою песню наши пресловутые «Катюши». Это была передовая линия фронта. Один из офицеров, я забыл напомнить, к тому времени у нас в армии были вменены погоны, показался знакомым. Никак не мог я вспомнить, кто он? Попросил разрешения обратиться.

– Вы с Воронежской области?

- Да.

- Панинского района?

- Да.

- Тогда Марьевский с/с? 3-Ивановка?
- Откуда ты меня знаешь? – спросил он.
Я назвал имя своего отца.
- Да это же мой двоюродный брат!
- А я его сын.
- Васька, здорово!

Он долго тряс мою руку. Это был Финогенов Тимофей Иванович, брат Финогенова Андрея Ивановича, сейчас проживающего в селе 3-Ивановка, отец Финогенова Анатолия, проживающего сейчас в р.п. Анна. Расспросив, куда меня назначили, он предложил мне, не желаю ли я попасть в его подчинение. Я с радостью согласился. Комбат дал разрешение. Я стал командиром отделения ПТР, ибо лейтенант Финогенов был командиром взвода противотанковых ружей. Вопросам и ответам не было конца. Куда мы влились, был 913 стрелковый полк 12-й армии. Он занимал вторую линию обороны и одновременно доукомплектовывался. Наутро мой командир познакомил меня с моим отделением. Затем провёл по занимаемой обороне, расспросив, почему расставлены огневые точки именно здесь, а не где-то ещё. Удовлетворился ответом, отпустил меня заниматься своими обязанностями.

На передовой дни и ночи не прекращались бои. Там наши войска стремились захватить плацдарм на другом берегу реки Северный Донец. Враг всеми силами старался не допустить этого. Вторая линия обороны жила напряжённой жизнью. Всё зависело, как сложится обстановка на передовой. Это было в районе Святогорских монастырей, села Богородичное, и Долина, недалеко от г. Святогорска. Как и следовало ожидать нас по тревоге сняли с занимаемых рубежей и в течение суток с короткими привалами мы преодолели более 60 км. Под утро разместились в укромном месте у самой реки в большом фруктовом саду, у села Богородичное, а в ночь ушли на передний край сменить измотанные боями наши воинские части.

Плацдарм был невелик, километров 20 по фронту и километров 6 в глубину. Наша задача: развить наступление и расширить плацдарм. Местами передовые окопы противника и наши находились в 40 – 50 метрах. Противник занимал выгодные рубежи. Крутые склоны, поросшие смешанным лесом. Там проходило несколько линий обороны противника. Орешек был крепкий ко всему неприятному и трудному следует добавить, на этом участке действовала власовская дивизия. Этот выродок рода человеческого, предатель Родины, генерал Власов, не без помощи которого были растерзаны, что называется две армии, добровольно перешёл в стан врага, сколотил из таких же, как он, отщепенцев армию, так называемую «Русской освободительной армией - РОА», стоял заодно с фашистами на нашем участке фронта. Его молодчики, подобрав документы убитых наших бойцов и убравшись в форму советских солдат, всячески старались дезорганизовать наши войска, собирали данные о населённости и расположении наших войск, усложняло выполнение задачи. А во время атак наших войск, видя безвыходное положение, оголтелые, пьяные фанатики выскакивали на бруствер окопа в открытую с колена вели огонь по атакующим нашим войскам. Безвыходное положение. Да, для них не было выхода, кроме как или погибнуть на месте от пуль и штыков наших воинов или отступить и попасть под пулемётный огонь своих героев – фашистов.

В распоряжение нашего комвзвода прислали ещё два взвода ПТР, но без офицеров. Фактически комвзвода стал комроты, а мы помкомвзводов стали комвзводами, хотя числились командирами отделений. На нашем участке не хватало нужного количества техники, людских резервов, всё было в натяжку. Наши расчёты ПТР были расположены по всему участку, занимаемому нашим батальоном, потому командира взвода видели редко. А однажды он ушёл также по своим огневым точкам и не вернулся. Тяжёлые были бои. Атаки сменялись контратаками с обеих сторон. Поля были

усеяны трупами фашистских и наших бойцов. Похоронные команды не успевали подбирать погибших. Долиной смерти назвали эту долину. Всего за несколько дней боёв вышел из строя командный состав нашего батальона. Первым погиб замкомбата по политчасти ст. лейтенант, к сожалению, фамилию уже запомнил. Фашистский снайпер угодил ему в медаль «За боевые заслуги». И с пробитой медалью и грудью он умер мгновенно. Погиб комбат, начальника штаба с писарем и телеграфистом завалило в блиндаже. Пока откопали, было поздно. Помкомбата по строевой части был ранен разрывной пулей в локоть левой руки, до вечера не уходил с КП, руководя боем. В ночь увезли в санбат.

Поступило распоряжение 2 батальона соединить в один. Мы забрали штабные документы и батальонное знамя, сопроводили в первый батальон. После этого нам надлежало занять оборону на территории, занимаемой 1-м батальоном. Это было днём на глазах у фашистов. Я во главе своего отделения в количестве 7 человек и три ПТРа пошёл в передовые окопы. Правее нас метрах в 100 артиллеристы тащили на себе 45-ти мм пушки, в воздухе появился наш воздушный танк ИЛ -2. Создалось движение. Это не ушло от внимания немцев, и они открыли огонь. За мной в перебежку ... расчёт пожилых воинов, конечно, по сравнению с нашим возрастом. Другие два расчёта перебежали правее нас. Совсем в нескольких метрах были окопы. Раздался пронизывающий свист мины. По уже накопленному опыту я понял, мина должна лечь где – то рядом. Это смерть. Оттолкнувшись от земли, как сжатая пружина я не прыгнул в окоп, а как бы нырнул в воду. В это же время я услышал треск со звоном и больше ничего не помню. Этот накопленный опыт спас меня, хотя беда ещё не миновала. Мина разорвалась на бруствере окопа. Останься я на месте, осколки, летящие по земле, сделали бы из меня отбивную котлету. Но она всё таки сделала своё дело. Разрушив бруствер окопа, оглушила меня взрывом и засыпала землёй. К счастью это видели расчёты моего отделения. После взрыва мины они бросились к месту

взрыва и откопали меня, не дав задохнуться. До вечера я был в полусознании. Вечерняя прохлада привела меня в себя. И тогда мне доложили, что этой же миной ранило второй номер расчёта, а первого номера – здоровяка, в сто с лишним килограммов, убило осколком в голову. Он ещё лежал в начатой, но незаконченной траншее, и мы под покровом темноты пошли к нему. Кружилась голова, мутило внутри, но я пошёл. Каково же было наше удивление! Боец с осколком в голове, торчащим из-под каски, был жив, хотя и без сознания. Ему разжали рот, дали воды, позвали санитарку, перевязали и отнесли в укрытие. Целые сутки пролежал он в укрытии прежде чем отправили в санбат.

А затем было самое тяжёлое испытание. Не осталось знакомых наших командиров. Командиром полка стал у нас незнакомый до сель нам подполковник. Командовать всей группой, оставшейся от стрелкового полка, было поручено лейтенанту артиллеристу. А группа составила всего 50 человек. В неё вошли и пехотинцы, и повара, и санитары. Вот и весь полк! Чтобы как-то передохнуть и обезопасить себя (перед нами не было ни заграждения из колючей проволоки, ни минного поля) мы вместо мин расставили на нужном расстоянии противотанковые гранаты. Хорошо зная их устройство, это вполне можно было сделать. В следующую ночь, это было с 19 на 20 августа, наш новый комполка собрал нас в огромной воронке от авиабомбы. Мы расселись по её скатам, он сел на дне воронки. Нам доставили такое количество еды и в таком большом ассортименте, что без привычки разбежались глаза. Комполка тихо заговорил: «Вы, ребята, кушайте и слушайте нашу задачу. В этой воронке поместился весь наш полк. Это значит, если мы займём оборону на всей территории, которую нам предстоит оборонять, это составит не менее 200-сот метров боец от бойца. И тогда нам не выстоять. А что немцы, как и прежде, попытаются нас сбросить в реку, это неопровержимо. Значит надо нам навязать им свой бой, наступательный, сковать фашистов в их окопах. Подкрепление идёт, но когда будет,

неизвестно. Позади нас только артиллеристы, а дальше – река. Вы пойдёте сейчас в ночь на сближение с противником. Если не заметит, навязать ночной бой. Если обнаружит – залечь, окопаться, без ответного огня, ждать команды». Да после такой речи даже у бывалых солдат пропал аппетит. Немного отклонюсь от описания продолжения событий. Часто приходится слышать: а страшно ли в бою?

На себе и своих товарищах я убедился, нет такого человека, в котором не было когда-нибудь какого-нибудь страха. Страх перед опасностью, т. е. за свою жизнь, страх за неудачу выполнить поставленную задачу, это тоже большой страх, страх за товарищей, попавших в тяжёлое положение. Во всех случаях бывает страшно живому человеку, даже будь он трижды герой. Но самое главное: вовремя победить этот страх, а это даётся не каждому одинаково. Одни теряются в первом бою. Потом оставшись в живых, он приобретает уверенность, что он может бить врага, не дожидаясь, когда его убьют. Есть ещё также изречение, прежде чем судить о людях, посмотри на себя. Ни во всех случаях оправдывается смысл этих слов. Но попытаюсь воспользоваться этим изречением и посмотрю на себя чужими глазами. «В первый бой почему-то шёл смелее, чем в следующий? Почему в последующих боях ты не оглядывался назад и не останавливался, пока не следовала на это команда?» - Так бы я спросил самого себя со стороны. А ответ таков. В первом бою я себя чувствовал, как на полигоне во время учений с боевыми стрельбами. Мы тогда стреляли по мишеням, а по нас то не стреляли. Но в следующем бою, насмотревшись, как падают раненые товарищи, как в клочья разносит разорвавшийся снаряд несколько человек, как залёгший товарищ больше не встаёт, а в час затишья уже нет вокруг тебя многих знакомых до мелочей людей, и появляется тогда тот самый страх. Ведь это может случиться и с тобой! Но горечь утраты товарищей, долг перед ними и Родиной, долг перед принятой присягой как-то оттесняет этот страх на какое-то время, а затем о нём совсем забываешь.

Вот так из меня стал военный человек, готовый выполнить любое задание. Другим это удавалось достичь другими путями. Но одно остаётся неизменным, вовремя побороть эту дрожь за собственную шкуру.

А дальше события разворачивались согласно продуманному плану. В ночь мы ушли на сближение с врагом, оставив в воронке и продукты, и личные вещи, набрав с собой как можно больше патронов и гранат. Заметили нас всё таки фашисты. Открыли огонь из всех видов оружия. Следуя распоряжению ком полка, мы без ответного выстрела залегли и окопались. За нами связисты протянули связь. Связист лежал с аппаратом по одну сторону лейтенанта, я – по другую. Фашисты побушевали и затихли, вернее всего подумали на разведку. Только забрезжил рассвет, в телефонной трубке послышался командирский голос: помогите фрицам позавтракать. С наблюдательного пункта увидели, как к фашистам подъехала кухня. Лейтенант подал сигнал к атаке. Я лежал рядом с ним, поэтому поднялся первым. С криком: За Родину! Вперёд! – Я бросился вперёд. Через какое-то мгновение поднялся сержант на правом фланге цепи и секундное затишье, цепь лежала. В следующий миг поднялся лейтенант, и вся цепь в едином порыве бросилась вперёд. Навстречу ударили сначала редкие выстрелы, затем заработал пулемёт. Но этого уже не замечали. Мы находились в каких-то 60-70 метрах от фашистских окопов и их надо было преодолеть на одном дыхании, чтобы схватиться в рукопашную.

В окопах оставались только заслоны, остальной состав, как нам и сообщили по телефону, старался позавтракать. Одни несли на палках по несколько котелков и без оружия, у других были винтовки или автоматы за спиной. Воспользовавшись таким положением, мы стали уничтожать фашистов, гоняясь за ними по опушке леса. В этой сутолоке на какое-то время я потерял из виду лейтенанта, но около меня появился сержант, бывший на правом фланге цепи. Не сговариваясь, мы бегали с ним рядом и разили врага, где

только он появится. Но враг опомнился. Поняв, что нас не так уж много, стал организовывать оборону. Следующие линии обороны врага не могли действовать, опасаясь перебить своих.

В это время кучка фашистов набросилась на нас с сержантом. Мы стали спина со спиной у дерева. Я бросил одну за другой две гранаты. Фашисты попадали, одни старались укрыться, другие, чтобы никогда не встать. Я надеялся, что сзади меня мой боевой товарищ так же действует, как и я, и я не оборачивался назад. Но что – то меня заставило оглянуться... Двое дюжих верзил с засученными рукавами двигались на сержанта. Он не смог перезарядить автомат и взяв его за ствол, как дубинку, приготовился к встрече. Но и у фашистов не было патронов, поэтому они не стреляли, а пытались заколоть штыками сержанта. Очередью из своего автомата я их скосил. В моём диске кончились патроны, а это уже был второй. Остался один. Сколько продлится бой, ещё неизвестно, а зарядить магазин ППШ долго. Вставив диск в автомат, я забросил его на ремне за спину. На самый сложный случай схватил у убитого солдата русскую трёхлинейку. Её зарядить быстрее и проще в рукопашной схватке да и штык – это немаловажное оружие. Мы побежали на выстрелы, зная, что там сражаются наши товарищи. На ходу бросил гранату в залёгших за кустами фашистов. Неожиданно я столкнулся с офицером власовской армии. Его пистолет был в расстегнутой кобуре, а в руках винтовка с кинжальным штыком. Схватка была короткой. Он оставил мне заметку на левом плече, а мой штык оказался вернее. Одет он был в форму донского казака, в чёрной кубанке с красным околышем, с витыми погонами на плечах. В ярости я решил оставить для себя память об этой схватке. Я быстро снял с него кубанку и засунул за пазуху. Замечу, кубанка цела и до сих пор. Сержанта вокруг меня не оказалось, да и потом я его не видел. Когда и куда он делся, не знаю. Услышав клич командира занять круговую оборону, я выбежал на опушку леса и прыгнул в первопопавший окоп.

Это оказалась пулемётная ячейка. Рядом валялся разбитый пулемёт и мёртвый фашист. Лейтенант был не вдалеке под деревом в окопе с группой бойцов. Фашисты, понявшие, что нас мало, попытались нас окружить. Пользуясь лощинкой, поросшей кустарником, стали заходить к нам в тыл. Этого допустить было нельзя и лейтенант приказал перенести весь огонь по обтекающим нас фашистам. Я дал длинную очередь, а перед лицом просвистела пуля. На правой руке у меня дёрнуло гимнастёрку. Сборки рукава были пробиты, но руку не зацепило. Ко мне прыгнул в окоп выбежавший из леса боец, но не успел присесть, как застонал, и повалился на дно окопа. Его правая сторона груди была пробита насквозь. Я перевязал его своим бинтом. Выглянул из окопа и увидел отступающих фашистов. Дал очередь с заднего до переднего бегущим фашистам. Вдруг я почувствовал удар в грудь, автомат выпал из рук. Сначала боли не было и лишь, когда появилась кровь на груди гимнастёрки и под рукой, дошло до сознания: ранен. Вскоре пошла кровь изо рта. Значит перебиты лёгкие. Как и полагается, я доложил о своём ранении командиру. Перевязываться было уже нечем. Все бинты были использованы. Посмотрев на меня, лейтенант сказал: - «Из тебя теперь не вояка, ползи на командный пункт, доложи комполка, что держаться некому и нечем. Пусть дают помощь». Я уполз. Добравшись до командного пункта, я застал там только связиста, который сообщил, что комполка ушёл к нам. Где мы разминулись и вообще удалось ли ему дойти до нашей группы, я не знаю. Передохнув немного, я пошёл в санбат. Здесь за пригорком, хотя и рвались снаряды и мины, но пули не свистели, и я пошёл во весь рост. Когда дошёл до санбата, который помещался в большой палатке, меня уже качало из стороны в сторону, а перед глазами разноцветные круги, сказала потеря крови. После обработки раны меня положили на носилки и отнесли под дерево. Затем ночная поездка на машине без света. Тряска вызывала сумасшедшие боли у раненых. В машине стояли стоны, крики. Затем какое-то животноводческое помещение, застланное

соломой, а поверх соломы где простынь, где одеяло, а где и брезент и вповалку лежавшие раненые. Утром пришли врачи, началась сортировка. Легко раненых на машинах увозили к поезду, затем в Ворошиловоградскую область. Тяжело раненых, нас, самолётом вывезли в г. Липецк.

Только позже я узнал, что наш бой за плацдарм был всего лишь отвлекающим. Поэтому враг сюда стянул всё, что мог стянуть, оголяя некоторые другие участки фронта. Это и нужно было нашему командованию. И тогда молниеносным ударом первой ударной армии враг был выброшен из г. Славянска, в направлении которого и нам надлежало развивать наступление. После потери Славянска, фашисты катились до самого Днепра.

В Липецке оказали раненым необходимую помощь, а затем эшелонам увезли в г. Балашов. Там размещался киевский окружной военный госпиталь, в который мы попали. Коек не было. Были двухъярусные нары. Легко раненые и выздоравливающие находились на втором ярусе, на нижних – тяжелораненые. Не хватало мест, обслуживающего персонала. Врачи, нянечки валялись с ног от усталости.

Наши войска шли на запад. Пришло время передислоцироваться и госпиталю. Оставив в своих стенах только ещё не окрепших, госпиталь стал на «колёса» и двинулся тоже на запад. И вот мы попали в г. Славянск. В тот Славянск, за который мы вели бой. Там, среди прибывших раненых, я встретил старшину из хоззвода. От него я и узнал о том бое: подкрепление прибыло только под вечер. Из всей группы, уцелевшей в ту ночь с 19 на 20 августа, осталось только трое: раненый лейтенант и с ним два бойца.

После лечения я с другими бойцами был направлен на пересыльный пункт, который размещался в г. Днепропетровске. Пришлось удивиться. Это был пересыльный пункт 200 ЗСП 3-го украинского фронта, тот полк, из которого мы отбыли на фронт. Но этот полк, оказалось, был личным резервом командования 3-го украинского фронта. Командиром фронта тогда был маршал Толбухин. Там я

встретил товарищей, которые оставались после нашего ухода. Они проводили новый набор в учебный батальон. Пригласили и меня, как старого знакомого. Мне не хотелось идти в учебный батальон. Но представители учебного батальона делали какие-то записи в блокноте. Оказалось они записывали фамилии кандидатов по своему усмотрению и, предоставив список комполка на утверждение, забрав красноармейские книжки записанных военнослужащих, вызывали, строили и уводили в распоряжение учбата. В этот список попал и я. Красноармейская книжка моя у них в руках, а без этого документа мне некуда было деться. Так я снова оказался в 200-м ЗСП учбата.

По прибытии в учбат меня ознакомили с новым приказом командования, в котором приказывалось командиру полка создать из опытных, грамотных офицеров и сержантов постоянный штат преподавателей по подготовке младшего комсостава, чтобы повысить боевую выучку выпускаемых кадров. Это означало, что зачисленные в учбат офицеры и сержанты, как преподаватели, об уходе из учбата и думать не могли до распоряжения штаба фронта. Затем мы убедились в силе этого приказа. Из учбата можно было уйти только по приказу штаба фронта или в штрафные роты или батальоны. Кроме основной работы по обучению курсантов, была из таких, как я, создана оперативная группа. Из истории Отечественной войны известно, что громя фашистские полчища, наши войска довольно быстро продвигались вперёд, часто оставляя позади себя разрозненные группы фашистов. Создалась необходимость для ликвидации таких групп: создать оперативные подвижные группы. В одну из таких группу был зачислен и я.

Уходя на задание по ликвидации очередной группы фашистов, мы сдавали документы начштаба батальона и выходили из подчинения учбата на время боевой операции и подчинялись только штабу фронта. Так это повторялось всякий раз, когда это требовалось. Пришлось этим заниматься в Венгрии, в городах Югославии, в лесах Австрии. И так мы

дошли до города Сельдемелька, австрийского городка, недалеко от столицы Австрии г. Вены.

Война шла к концу. Даже наши враги уже не могли не признать, что война кончится победой Советского народа и его вооружённых сил. Здесь произошло ещё событие, о котором, может быть и не стоит, но всё-таки хочется рассказать.

В конце апреля 1945 года, к нам в учбат прибыли не известные нам офицеры. Нас выстроили. По выбору этих офицеров мы выходили из строя. Отпустив остальных военнослужащих, нам объявили, что мы передаёмся в распоряжение отдельной военно-десантной воздушной дивизии и в скором будущем за нами придут машины.

1-ое мая мы отмечали как двойной праздник. Традиционный День солидарности трудящихся и День падения столицы фашисткой Германии Берлина. Мы размещались в отдельных казармах. В ночь на 8-ое мая мы услышали стрельбу в городе. Не дожидаясь команды, по выработанной привычке, мы быстро оделись, разобрав без разрешения оружие, предварительно сбив замок с хранилища боеприпасов, прихватили запас гранат и патронов, высыпали на построение. Наш комбат – белорус, капитан Степаненко выстроив нас, объявил, что перед нами заместитель по политчасти. В городе между тем шла беспорядочная стрельба. Слышны были автоматные, пулемётные очереди со стороны железнодорожного вокзала. Подумалось: нас зачислили в воздушный десант, а, может, десант высадили немцы? Но когда замполит начал было какую-то речь, мы почувствовали, что у него застрял ком в горле, и он долго его глотал, затем, резко взмахнув рукой, выкрикнул: «В общем, ребята, ПОБЕДА!» Только тогда стало ясно, почему по городу идёт стрельба. Бодрствовавшим нашим товарищам уже было известно, что фашистские войска капитулировали, пришла долгожданная победа. Стреляли в нарушение всех правил Устава, часовые; стреляли патрули, стрелял пулемёт, установленный на крыше большого здания, предназначенный

для обороны против самолётов, стреляли зенитные орудия прямо с платформ железнодорожного поезда. Велика была радость, просто неопишима... Не верилось, что больше нет войны, не будет кровопролития, яростных атак, не будет убитых и искалеченных. Богат русский язык словами и всё равно не хватит слов, чтобы выразить чувство радости, той гордости за совершённое нашей освободительной Красной Армией. Нашим лучшим советским народом, как и не выразить боль потерь, боль утраты.

Война с фашистской Германией кончилась, но чёрные тучи ещё не разошлись. Предстояло согласно договору с нашими союзниками разгромить японских самураев. А наши бывшие союзники Америка и Англия готовили заговор против нашей Родины. Они ставили своей целью напасть на СССР, пользуясь его усталостью. И пошли эшелоны с войсками в обратном направлении, на восток. Одни на Дальний Восток, на Японию, другие - в Среднюю Азию. Ведь свои «чёрные» планы «друзья», превратившиеся в недругов, стали осуществлять. Под видом охраны, добываемой нефти в Иране, Ираке, они вводили туда всё новые и новые войска. А Турция вообще была, как проходной двор, от неё всего можно было ожидать.

Вот и прибыл наш эшелон в далёкий Узбекистан, ближе к южной границе, чтобы в случае агрессии бывших союзников встретить их так же, как гнали фашистов. Но побоялись эти господа, одумались: невозможно связываться с этими разгорячёнными советскими ребятами, да и планы их давно известны в генштабе вооружённых сил СССР.

Не мало было и страха перед своими народами. Ведь Советский Союз, советский народ, наша армия в глазах и сердцах их были символом мужества, к нему они питали громадное уважение. Не так-то просто было заокеанским воротилам толкнуть свои народы против нашего народа.

Потому на нашем участке всё обошлось благополучно. Новые испытания не состоялись. Вскоре я серьёзно заболел, врачебная комиссия меня признала не

годным к нестроевой службе. На этой основе в декабре 1946 года я был демобилизован и прибыл в родные края после четырёх с половиной лет разлуки.

*Дорогие ребята 1-Михайловской школы!
Я очень рад и очень вам благодарен за ваше внимание ко мне, за ту честь, которую вы не оказали, но одновременно я смущён всем этим. Я же не герой, даже не орденосеи, имею только медали. Я просто в своё время юноша, гражданин своей Родины, как и тысячи таких же, как я, ребят по воле грозных событий, одетый в серую солдатскую шинель, отдал долг своей Родине. Прошёл дорогой, предназначенной мне. Как поётся в песне: «Как предназначено судьбой для нас с тобой». Я не мог, не имел никакого права делать то, что мне хотелось, идти туда, куда мне хотелось. Я подчинялся старшим товарищам, своим командирам.*

*Большое вам спасибо за ваше внимание,
за ваше доверие.*